

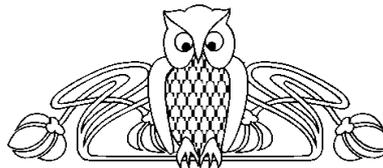

УДК 316.1

ТЕОРИЯ ПРАКТИК: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИИ

А.А. Дьяков

Саратовский государственный университет
E-mail: dyakov20@yahoo.com

Статья посвящена анализу теории практик; эксплицируются социально-философские основания концепции. Анализируя категорию «социальные практики», являющуюся базовой категорией современного дискурса наук об обществе, и рассматривая методы теории практик, нами критически осмысливается эвристический потенциал исследуемой концепции.

Ключевые слова: теория практик, социальные практики, прагматический поворот, фоновые практики, раскрывающий характер практик.

A Theory of Practices: Social-Philosophical Potential of the Concept

A.A. Dyakov

Article is devoted to the analysis of the theory of practices. A social-philosophical bases of the concept are explicated. Analyzing a category «social practices», being a base category of a modern discourse of humanities, and considering methods of the theory of practices, is critically comprehended heuristic potential of the investigated concept.

Key words: theory of practices, social practices, pragmatism, background practices, opening character of a practices.

Постмодернистская парадигма, являющаяся доминантой современного философского мышления, настаивает на том, что уже давно наступил и продолжается по сей день кризис репрезентации реальности. Стремясь метафорически изобразить потоковость и чрезмерную для научно-рационалистического модернового восприятия структурно-смысловую насыщенность действительности, постмодерн заменяет дискурс дискурсивностью, герменевтику деконструкцией, логоцентризм ризомой. В области социальной философии и социальных наук взгляд исследователей обращается к проблемам проявления общественной жизни, функционирования социума в рамках созданной и создаваемой им среды; в центр анализа попадает уже не общество как таковое, а повседневность как сфера проявлений, феноменализации общественных практик. Постмодерн, в отличие от модерна, сосредоточен на более частных проблемах социума, которые, в конечном

итоге, артикулируются в социальных науках как социальные практики и подвергаются тщательному изучению.

В книге «Теория практик» В. Волков и О. Хархордин констатируют наступление новой эры социальных наук – эры «прагматического поворота»¹. Особенностью «прагматического поворота» в науках об обществе, по мнению авторов книги, стало обращение взоров исследователей к социальным практикам или просто – практикам. В наиболее широком смысле «практики – это все что мы делаем»², но такой всеобъемлющий взгляд характерен для этнометодологии, опирающейся на богатый эмпирический материал исследований, который фиксируется в этой дисциплине путем тщательного, детального описания всевозможных жизненных проявлений общества. Учитывая тот факт, что В. Волков и О. Хархордин выделяют в качестве инициаторов и основоположников прагматического поворота в социальных науках Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера, а к дисциплинам, смежным с теорией практик, относят философию языка Дж. Остина, социологию повседневности, историческую социологию науки, философию науки М. Полани, теорию власти М. Фуко и еще множество дисциплинарных единиц социальной науки, становится очевидным, что универсального определения понятия «социальные практики» не существует.

По нашему мнению, концепция практик в социальных науках характеризуется наличием трех основных компонентов, которые в совокупности характеризуют смысловое содержание этого понятия:

- 1) регулярная повторяемость определенных действий³;
- 2) разделение данного регулярно воспроизводимого способа действия неким со-

обществом; в этом пункте раскрывается коммуникативно-коммуникационный аспект жизнедеятельности общества, т.е. единство общества как пространства коммуникации и, следовательно, производства и воспроизводства практик;

3) наличие смыслового основания, «ядра» практик, объясняющего тот способ, которым проявляются и «закрепляются» социальные практики. Другими словами, если позволить себе феноменологическую интерпретацию теории практик в нашем понимании, за каждой практикой стоит некий, могущий быть объективированным, смысл, отражающий особенности структуры и функционирования общества как сложной системы. Смысл показывает себя через практики, «просвечивает» через них, если воспользоваться терминологией М. Хайдеггера.

Введение концепции практик в поле исследований социальных наук носит явно методологический характер. Представление о социальных практиках как неких видах регулярно повторяющихся действий, разделяемых и значимых для всего сообщества, но при всем этом отображающих реальное соотношение сил между материально-экономическим и коммуникативно-символическим началами социума, снимает многие методологические затруднения, характерные как для крайнего социального реификационизма, так и для крайнего социального индивидуализма. «В социологической теории термин “практика” также символизировал поиски компромисса между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии, и в то же время — попытки предложить “третий путь”: либо посредством категориального синтеза, как например, в теории “структуриции” Энтони Гидденса, либо указанием на воплощенность социально-классовых структур в самом деятеле, как это попытался сделать Бурдьё с помощью концепции “хабитуса”»⁴.

В. Волков говорит о существенных методологических аспектах исследования социальных практик, на которых акцентирует внимание теория практик, а именно об идее фоновых практик и их раскрывающем характере. Термин «фон», перекочевавший в тео-

рию практик из гештальтпсихологии, свое окончательное, разумеется, для теории практик значение получил в позднем творчестве Л. Витгенштейна. Фон (background) обозначает всю палитру смыслового содержания жизни, на основании которой исследовательское мышление вычленяет тот или иной вид деятельности, ту или иную практику. Фоном, таким образом, выступает сама культура как способ бытия сообщества. Одни и те же практики, но происходящие на разном фоне, имеют совершенно разное значение. Мытье рук перед едой в настоящее время есть не более чем соблюдение элементарных правил личной гигиены, а в Средневековой Европе данная практика была доступна и известна только привилегированной части социума, знати и являлась линией демаркации всего общества. Раскрывающий характер практик проявляется как способность исследовательского мышления улавливать за внешним проявлением социальной активности, выраженной в конкретной практике, глубинные смыслополагающие и смыслоположенные процессы, определяющие специфику развития и функционирования конкретного общества в целом на данном историческом этапе и на фоне конкретной культуры. «Практики конституируют и воспроизводят идентичности или “раскрывают” основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории»⁵. В. Волков дополняет, что социальные практики в этом случае понимаются как «различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности (практического искусства), которые в то же время раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве»⁶. Таким образом, раскрывающий характер практик основан на представлении об их тесной взаимосвязи как проявлений культуры с основаниями, которые заложены в культуре, но скрыты от привычного непроблематизирующего взора.

Существенным методологическим аспектом исследования самих социальных практик является также особенность их проблемного схватывания и дальнейшего анализа. Проблема заключена в том, что «практики

принципиально несокрыты»⁷, следовательно, для ученого они не являются объектом исследования, по крайней мере, для ученого нововременной формации. «Мировость» практик, как сказал бы М. Хайдеггер, повседневность их проявлений, делает чрезвычайно сложным сам процесс проблематизации этой привычности и рутинности. Здесь-то у опытного исследователя и должна проявиться «определенная техника отстранения, описания и интерпретации»⁸, позволяющая превратить повседневную практику в объект анализа. Отстранение ученого от обыденности практики, приобретение «нового взгляда» на изучаемое явление возможно благодаря методикам синхронного и диахронного анализов. Синхронный анализ предполагает отстранение в рамках со-временности, т.е. осуществляется смена позиции наблюдателя за счет перемены «места положения» в социальной структуре либо за счет изменения восприятия и новой интерпретации фона, на котором протекает практика. Диахронный анализ позволяет исследователю сместиться во времени, другими словами, занять по отношению к исследуемой практике такую историческую позицию, которая максимально отражала бы момент различия между современным состоянием и историческим, уже прошедшим. Совместное использование методов синхронного и диахронного анализов позволяет не только описать и интерпретировать множество конкретных социальных практик, но и выстроить их генеалогию как обособленный раздел в рамках теории практик.

О. Хархордин, в свою очередь, выделяет следующие особенности исследования практик:

1) фоновые практики и знание о них визуально регистрируются, т.е. способом познания практик является наблюдение: как включенное, «изнутри» самой практики, так и исключенное, «со стороны»;

2) знание о практиках не является объективируемым, это знание *как*, а не знание *что*. «Объективировать знание о практиках, полностью описать и проанализировать задний план для вербальной коммуникации, происходящей на переднем плане, можно, но

знание, которое получится из такого анализа, не отразит характер функционирования практик как фоновых практик, а потому чаще всего будет банальным»⁹;

3) знание, которое дает теория практик, есть «знание типа озарения или неожиданного усмотрения, а не то, которое дается научным объяснением»¹⁰. О. Хархордин вновь акцентирует внимание на феномене «принципиальной несокрытости» социальных практик – знание о практиках настолько привычно и ординарно¹¹, что для их проблематизации следует приобрести новое видение уже привычного, в прямом смысле слова удивиться, не смотреть на практику, но *подсмотреть* за ней.

Теория практик заявляет о своем междисциплинарном значении и претендует на выработку парадигмального основания для всех социальных наук, поэтому особенно парадоксально на этом фоне звучит заявление авторов «Теории практик» о том, что на формирование современных позиций этой теории практически никакого влияния не оказала традиция обществознания, идущая от К. Маркса. Хотя «нельзя не признать, что в социально-исторической теории Маркса есть сюжеты и подходы, которые позволили трактовать человеческую повседневность как сложную, “многослойную”, “заколдованную”»¹². Складывается впечатление, что отечественные теоретики практик находятся под влиянием сложившегося стереотипа об устарелости марксистской парадигмы и полной непригодности ее для современных социальных исследований. Для обоснования поспешности такого заявления приведем краткий пример сравнения двух концепций: неомарксистской «философии практики» Д. Лукача и классика теории практик П. Бурдьё. Социально-философская система Лукача строится вокруг «теории «овеществления», составляющей философский стержень всей «Истории и классового сознания», основного труда, отражающего взгляды раннего периода творчества венгерского философа»¹³. Овеществление, по Лукачу, является всеобщим, тотальным процессом, который характеризует капиталистическое общество. Экономическое овеществление достигает пределов, при которых товарная форма становится господ-

ствующей формой любых социальных отношений. Другими словами, он указывает на то, что общественные отношения, в том числе и межличностные, овеществляются, рационализируются до такой степени, что их основной отличительной чертой становится калькулируемость, исчисляемость. Овеществление как интерсоциальный механизм развития капитализма становится настолько всеобъемлющим, что проникает внутрь самого человека: «при помощи современного “психологического” разложения трудового процесса (система Тейлора) рациональное механизирование проникает в самую “душу” рабочего: даже свойства его психологии отрываются от его личности в целом, противопоставляются ей как нечто объективное, – чтобы иметь возможность включиться в рациональную систему и привести к калькуляторскому понятию»¹⁴. Таким образом, объективные социальные структуры, характеризующие капитализм как форму общественного бытия, усваиваются индивидом через условия жизни, через практику. Человеку, чтобы стать частью капиталистического общества, необходимо стать носителем «овеществленного сознания», то есть интериоризовать объективные социальные структуры товарных отношений. Практика, в философии Лукача, предстает как категория, занимающая в социальной онтологии едва ли не центральное место. Она помогает человеку осознать предмет в его тотальности. Л. Гольдман так комментирует это положение: «существует неразрывная связь между миром, вселенной значений, в которой живут люди, и людьми, которые ее создают, и эта связь имеет двойной смысл: субъект является частью мира и в своих практических действиях привносит в него смысл, но и этот мир является частью субъекта и его конституирует»¹⁵. Категория «тотальной практики», выправляющей отношения человека и мира, искаженные товарно-вещной идеологией капитализма, трудна для осмысления, так как представляет собой более интеллектуальный протест Лукача против антигуманизма капиталистической системы, чем могущее быть найденным и зафиксированным в социальной реальности явление.

В социологической теории П. Бурдьё практики являются порождениями габитуса. Габитус – одна из основных категорий его социологии, категория, не имеющая однозначного определения, но её значение постоянно уточняется французским социологом в различных контекстах. В целом «габитусы – системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления...»¹⁶. Социальные нормы интериоризируются социальным агентом как раз в форме габитуса. Практики у Бурдьё являются, с одной стороны, реакциями габитуса на те социальные вызовы, которые создает общество, с другой стороны – проявлениями определенного типа габитуса, характерного для той или иной социальной группы, неким отличительным признаком одной страты от другой. Социальный агент имеет определенную степень свободного действия в рамках своего габитуса, но преодолеть эту степень свободы, уйти за ее пределы он не может. Практики, выступающие одновременно как опыт и как условия его формирования, и формируют габитус, и формируются им. Не является ли это аналогом «овеществленного сознания» Лукача?

Как мы видим, сходства концепций Лукача и Бурдьё значительны. Но если в философии Лукача «тотальная практика» выступает как экзистенциальное, аксио-этическое понятие, то теория практик Бурдьё более прагматична, исходит из исследования сущего, а не конструирования должного. Несомненным же, на наш взгляд, является факт того, что при построении проекта теории практик следует учитывать опыт марксистских и неомарксистских исследований.

В заключение следует добавить: с точки зрения социальной философии, методологическая установка теории практик, трактуемая В. Волковым и О. Хархординим в виде ориентации на «знание как», требует дополнительных уточнений. Описание особенностей социальных практик, сосредоточение внимания на их структуре и моменте их проявления на определенном фоне, несомненно, –

продуктивные и перспективные векторы исследования, но они не покидают чисто феноменального уровня. Также отечественные теоретики практик не заявляют никакого парадигмального основания теории: совершенно непонятным остается, чем же является социальное и социум в их трактовке? Наличия объективного смыслового основания практик, на который указывают Волков и Хархордин, недостаточно для построения теории социума; необходимо также указать на моменты со-существования этих смыслов как основ общества, их функции и особенности практического проявления. Открытым остается вопрос взаимосвязи практик, слагающих феноменальную структуру повседневности: коммуникацию как основу социального еще только предстоит осмыслить в терминах теории практик.

Примечания

¹ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С.7–45.

² Там же. С.15.

³ В сущности, любая регулярность, выявляемая в социуме, указывает либо на наличие некоего надындивидуального начала или некоего социального факта в духе Дюркгейма, который обуславливает поведение актора в рамках сообщества, либо на наличие определенной договоренности по поводу этой регулярности действия, и под определение данного конвенционального вида регулярности попадает как «следование правилу» Витгенштейна, так и габитус Бурдьё. И трансцендентная (здесь – не зависящая от воли

каждого из вовлеченных в практику) регулярность, и конвенциональная регулярность, будучи взятыми за точку отсчета социально-философского анализа, открывают широкие перспективы для исследования социальных практик.

⁴ Волков В.В., Хархордин О.В. Указ. соч. С.11.

⁵ Там же. С.22.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С.24–25.

⁸ Там же. С.25.

⁹ Там же. С.42.

¹⁰ Там же. С.44.

¹¹ Значение английского слова *ordinary* отражает специфический социальный контекст, ведь кроме усредненности (*average*) в значении «ординарности» обязательно присутствует момент общности (*common*), подразумевается наличие некоторой априорной коммуникации, которая делает знание о практиках доступным для всех.

¹² Козлова Н. Социология повседневности: переоценка ценностей [Электронный ресурс]. URL : <http://ecsocman.edu.ru/data/746/926/1219/5-Kozlova.pdf> (дата обращения: 02.09.2010 г.). С.52.

¹³ Поцелуев С.П. «История и классовое сознание» Д. Лукача: теория «овеществления» и романтический антикапитализм // Вопросы философии. 1993. № 4. С.54.

¹⁴ Lukacs G. Geschichte und Klassenbewußtsein. Studien über marxistische Dialektik // Lukacs G. Frühschriften II. Berlin, 1968. S.263.

¹⁵ Гольдман Л. Лукач и Хайдеггер. СПб., 2009. С.118. В книге французского исследователя проводятся многие параллели между философскими проектами М. Хайдеггера и Д. Лукача, выявляются точки соприкосновения в идеях двух великих философов современности, а также обсуждаются моменты возможности их взаимного влияния друг на друга. Такое исследование очень интересно, учитывая тот факт, что для питерских авторов «Теории практик» имя М. Хайдеггера напрямую связано с «прагматическим поворотом» в социальных науках.

¹⁶ Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина [и др.] ; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. СПб., 2001. С.102.